

НАТАЛЬЯ ДОЛГОРУКОВА
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРТУРОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XII в.: НА ГРАНИЦАХ ИСТОРИИ И ВЫМЫСЛА¹

First works of Arthurian literature in the 12th century: at the boundary between history and fiction Abstract

The Latin rhetorical triad («*historia*», «*argumentum*», «*fabula*») was actively used and reinterpreted in the Middle Ages. Macrobius, Isidore of Seville, Geoffrey Map - these are just a few of the authors who have used these categories both for the analysis of literature prior to them and for the analysis of their own works and the works of contemporary authors. This reflection on the form and function of the text also important for the literature written in the vernacular (Wace, Chrétien de Troyes, Guillaume de Lorris, etc.). The authors of the first works of the so-called Arthurian cycle, trying to raise the status of his narrative, insisted on historical accuracy of their texts (this intention was one of the reason for criticism from the so-called «professional historians», one of them was William of Newburgh, the British historian of 12. c.). First works of Arthurian literature (e.g. *The History of the Kings of England* by Geoffrey of Monmouth, *Le Roman de Brut* by Wace) were characterized by historiographic claims and by downplaying the proportion of invented elements. The latter was varying because of the language in which the works were written (Latin and Old French) as well as depending on the audience for which the texts were intended.

Keywords: «*Historia*», «*fabula*», «*argumentum*», Galfrid of Monmouth, Wace, historiography, fiction

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 15-01-0035) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015- 2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Introduction. Латинская риторическая триада («*historia*», «*argumentum*», «*fabula*») и ее переосмысление в Средние века.

Цицерон в трактатах *Об ораторе* и *О находжении*, Квинтилиан в *Наставлении оратору*, анонимный автор *Риторики для Геренния*, а также многие другие менее значительные авторы выделяли три типа повествования

в зависимости от степени его истинности: «*fabula*», «*argumentum*», «*historia*». *Fabula* – это не только вымышленное повествование, но и такое повествование, которое содержит не встречающиеся в действительности нарративные элементы: говорящих животных, превращения человека в растение или животное и пр. *Argumentum* – также вымышленное повествование, но отличающееся правдоподобием, наконец, *historia* описывает события, которые и в самом деле произошли. Литературные жанры, сформированные под влиянием упомянутых категорий – трагедия или песнь (соотносящееся с *fabula*), комедия (связанная с *argumentum*), наконец, историография, основывающаяся на действительных событиях, *res gestae* (Sargent-Baur 1996, 27).

Античная триада была предметом осмысления и комментирования целой плеядой средневековых латинских авторов, чьи мысли, в свою очередь, нашли отголоски у создателей первых романизированных сочинений на народных языках.

Исидор, имевший на средневековых писателей огромное влияние, уделяет в своих *Этимологиях* немало места противопоставлению и сравнению трех упомянутых видов повествования. В первой книге *Этимологий* (*Грамматика*, глава XLIV: *О родах истории*) он, в частности, пишет :

Также и между историею, рассказом и баснею есть различие. Ведь истории – это то, что на самом деле случилось, рассказы (*argumenta*) – то, что хоть и не произошло, однако же могло быть, а басни – то, чего не было и быть не могло, ибо они не согласны с природой (Севильский 2006, 65).

Этой последней Исидор посвящает отдельную главу (XL, *О басне*): «Слово басня (*fabula*) поэты произвели от слова «повествуя» (*fando*), поскольку басни рассказывают не о том, что произошло, но о том, что создано одной лишь речью» (Севильский 2006, 63).

Продолжая свою мысль, Исидор говорит и о функциях басен: «некоторые басни поэты сочинили ради развлечения, другие – для объяснения природы вещей, третьи – для изображения людских нравов» (Севильский 2006, 63). Басни, сочиненные для развлечения, предназначены простым людям (в качестве примера Исидор упоминает здесь комедии Плавта и Теренция, сюжеты которых вымышлены и в этом смысле сближаются с его определением «басни», то есть, вымысла). Басни, созданные для объяснения природы вещей, повествуют о животных и природных явлениях, как существующих, так и не существующих (например, о гиппокентавре – получеловеке и полуконе). Наконец, басни о нравах повествуют о них «так, чтобы посредством некоторого вымышленного рассказа, обладающего однако подлинным смыслом, прийти к некому заключению, ради которого басня и была написана» (Севильский 2006, 64).

Итак, Исидор идет вслед за классической риторической мыслью, резюмирует ее основные идеи и повторяет ее троичное деление, упоминая «историю», «аргумент» и «басню», вымышленное повествование. Отметим однако, что один из видов басен, сочиненных «для изображения нравов», – вымышленный рассказ, содержащий некий «подлинный смысл», – отчасти сближается с историей, содержащий рассказ о том, что случилось на самом деле (*res verae quae factae sunt*). Укажем также, что функция басен, сочиненных для развлечения, совпадает с той, которую Жан Бодель, аррасский трувер XII века, считал присущей «бретонским сказаниям» (см. его знаменитый пролог к *Песни о саксонцах*): «Бретонские повести пусты и *развлекательны...*», в отличие от повестей о Риме, которые «учат нас разумению» и рассказов о Франции, которые «всегда правдивы» (Bodel 1939, 3).

Макробий, известный и цитируемый на протяжении всего Средневековья латинский автор V века, вносит свой вклад в развитие классической риторической мысли во введении к *Комментарию*

на сон Сципиона². Труд Макробия был известен Исидору Севильскому (Macrobe 2011, LXVII), *Этимологии* которого «содержат множество отсылок к *Комментарию*, в особенности, третья книга, которую Исидор посвящает астрономии» (Macrobe 2011, LXVII). Мы попытаемся проследить, что отличает литературную мысль Макробия от мысли Исидора и классической риторической традиции.

В самом начале *Комментария* Макробий оправдывает использование вымысла и, более конкретно, снов в произведениях философов, в частности, Платона. При этом вымысел (Макробий использует здесь ожидаемое слово «fabula») определяется им следующим образом: «Басни, коих имя открыто заявляет, что они суть вымысел, были изобретены в одном случае, чтобы только доставить удовольствие слушателям, в другом – чтобы подвигнуть их к более нравственной жизни»³. Итак, Макробий говорит о двух функциях басни и вымысла; первая – *delectare* – совпадает с функцией басен, которые Исидор считал предназначенными «для развлечения»; вторая – *docere* – с функцией басен, изображающих людские нравы. Далее Макробий развивает это положение, одновременно иллюстрируя его примерами: всякий вымысел, цель которого заключается лишь в том, чтобы доставлять удовольствие читателям (*totum fabularum genus, quod solas aurium delicias profitetur*) – как, например, комедии Менандра, практически все произведения Петрония и некоторые произведения Апулея – не достоин пера философа и не должен присутствовать в философских сочинениях.

Произведения, включающие вымысел, но преследующие цель подвигнуть читателей к более нравственной жизни, в свою очередь, делятся на две группы:

в некоторых баснях повествование (*argumentum*) полностью вымыслено, и вся сюжетная канва соткана из одного обмана, – как, например,

² О классификации вымысла у Макробия, а также о категориях «fabula», «argumentum», и «historia» см. книгу: Mehtonen Paivi: *Old Concepts and New Poetics. Historia, Argumentum, and Fabula in the Twelfth- and Early Thirteenth-Century Latin Poetics of Fiction*. Helsinki 1996, p. 120.

³ «Fabulae, quarum nomen indicat falsi professionem, aut tantum conciliandae auribus uoluptatis aut adhortationis quoque in bonam frugem gratia repertae sunt» (Macrobe 2011, 6).

в баснях Эзопа, известных утонченностью вымысла; в других же баснях повествование (*argumentum*) основано на твердой истине, но сама эта истина предстает в соединении с чем-то придуманным и сочиненным, – в таких случаях говорят не о басне (*fabula*), но о некоем «недостоверном повествовании» (*narratio fabulosa*)⁴.

У Макробия встречается, таким образом, то же слово, *argumentum*, которое век спустя будет использовать Исидор, не являющееся здесь однако отдельной нарративной категорией. В то же время он вводит определение нового вида повествования – *narratio fabulosa*. Здесь примерами служат ритуальные орфические и гесиодические мистерии, мистические культы пифагорейцев, посвященные происхождению богов и их деяниям.

В свою очередь, повествования этого последнего типа подразделяются на две подгруппы. Ведь даже если повествование (*argumentum*) основано на истине, оно может содержать нечто гнусное, отвратительное и непристойное, – например, рассказ об изменах богов или о Сатурне, отсекающем фаллос у своего отца; повествования такого рода философы предпочитают избегать в своих книгах. Бывает, напротив, что в повествовании нет ничего непристойного, речь идет лишь о достойных событиях и лицах; такого рода «недостоверные рассказы» допускается использовать в сочинениях философов⁵.

Таким образом, Макробий предлагает многочленную классификацию родов вымысла, различающихся как степенью удаленности от «правды», действительно случившегося, так и по функции и степени

⁴ «In quibusdam enim et argumentum ex ficto locatur et per mendacia ipse relationis ordo contexitur, ut sunt illae Aesopio fabulae elegantia fictionis illustres, at in aliis argumentum quidem fundatur ueri soliditate, sed haec ipsa ueritas per quaedam composita et ficta profertur, et hoc iam uocatur narratio fabulosa, non fabula» (Macrobe 2011, 6-7).

⁵ «Aut enim contextio narrationis per turpia et indigna numinibus ac monstro similia componitur, ut di adulteri, Saturnus pudenda Caeli patris abscidens et ipse rursus a filioregni potito in uincla coniectus – quod genus totum philosophi nescire malunt; aut sacrarum rerum notio sub pio figmentorum uelamine honestis et tecta rebus et uestita nominibus enuntiatur. Et hoc est solum figmenti genus quod cautio de diuinis rebus philosophantis admittit» (Macrobe 2011, 7).

благопристойности. В его классификации границы между вымыслом и «правдой» предстают менее четкими, более размытыми, чем у Исидора. В Средние века эта классификация, вне сомнений, служила опорой для авторов, использовавших легендарный или фольклорный материал, поскольку позволяла находить в нем и часть «правды», и моральный смысл.

В XII веке, который, как известно, получил у медиевистов название «культурного ренессанса» (Haskins 1971), успех *Комментария на сон Сципиона* достигает своего апогея, о чем свидетельствует количество списков и манускриптов, содержащих это произведение (Haskins 1971, LXIX). Не случайно Кретъен де Труа цитирует автора *Комментария* в своем первом романе *Эрек и Энида*, возможно созданном при дворе Генриха II Плантагенета:

[Et] sor l'autre Erec seoir fist,
 Qui fu vestuz d'un drap de moire.
 Lisant trovomes en l'estoire
 La descriçtion de la robe,
 Si en trai a garant Macrobe
 Qui ou descire mist s'entente,
 Que l'en ne die que je mente.
 Macrobe m'enseigne a descivre ,
 Si con je l'ai trové el livre
 L'ovre dou drap et le portrait.
 (de Troyes 1994, vv. 6726 – 6735, 275-276)

...В дивном одеяньи
 Сидел Эрек. Я описание
 Его в истории нашел
 И у Макробия прочел,
 Кого в свидетели беру я,
 Что здесь не путаю, не вру я
 И все, что изложить сумею,
 Лишь почерпнул в его труде я.
 (де Труа 1980, 205)

Имя Макробия упоминается Кретъеном де Труа в соседстве со словом «история» и выступает гарантом истинности повествования; Кретъен прямо заявляет, что автор *Комментария* научил его искусству описания, «Macrobe m'enseigne a descivre».

Несколько десятилетий спустя Гильом де Лоррис также вспомнит Макробия в прологе к *Роману о Розе* и, подобно Кретъену, сделает его гарантом истинности своего рассказа:

Maintes genz cuident qu'en songe
 N'ait se fable non et mençoſge.
 Mais on puet tel songe ſongier
 Qui ne ſont mie mençoſgier,
 Ainz ſont après bien aparant.
 Si em puis traire a garant
 Un auctor qui ot non Macrobes,
 Qui ne tint pas ſonges a lobes,
 Ançois eſcrit l'aviſion
 Qui avint au roi Scipion.
 Quiconques cuit ne qui que die
 Qu'il eſt folece et muſardie
 De croire que ſonges aveigne,
 Qui ce voudra, por fol m'en teigne,
 Car androit moi ai ge creance
 Que ſonge ſont ſenefiance...

(de Lorris Guillaume et de Meun Jean 1992, 42)

Привыкли сон считать обманом,
 Покрытым сказочным туманом;
 Однако можно видеть сны,
 Где знаки тайные даны –
 Грядущей жизни откровенья.
 Макробий в том не знал сомненья.
 Он толковал подробно сон,
 Который видел Сципион.
 А кто считает сны за басни,
 Не уважать меня те властны,
 Но открывается и мне,
 Что тайны видим мы во сне,
 А не химеры лишь пустые
 И не случайности простые
 (де Лоррис Гийом, де Мен Жан
 2007, 16)

Все это несомненно свидетельствует о значимости для первых французских романистов латинской литературной теории, которая легитимизовала вымысел и посредством которой они старались возвысить статус своих сочинений на народном языке.

Но вернемся к XII веку и к нашей теме: соотношению истории и других типов повествования. Вальтер Мап (1140 – ок. 1210), придворный Генриха II Плантагенета, еще более затушевывает различия между «историей» и вымыслом. В первой книге своего главного и единственного труда, *О шутках придворных*, Мап упоминает две нарративные категории, с которыми мы уже встречались у Исидора и в классической риторике, историю и басню, *historia* и *fabula*: «у нас есть истории, продолжающиеся от начала времен до наших дней, мы читаем также и басни»⁶. По мнению Вальтера Мапа, мы ценим историю, поскольку находим в ней некий мистический смысл, *intellectus misticus*, благодаря которому учимся чувству меры и смирению. В качестве примера Вальтер упоминает библейские истории – о Каине, о Содоме и Гоморре, об Иосифе и др. Что касается басен (таких, как сказание об Атридах и Фиесте,

⁶ «... historias ab inicio ad nos usque deductas habemus, fabulas eciam legimus» (Мап 1983, 126).

Пелопсе и Ликаоне, а также других, схожих с ними), они обладают той же функцией, что и истории, – наставлять: «басни также служат нам поучением»⁷. Поэтому, уверяет Вальтер Мап, не следует избегать чтения басен, ведь они имеют общую функцию с историей: «оба вида повествования подчиняются «общему закону и имеют одинаковую цель»⁸.

Итак, Вальтер Мап больше не настаивает на непреодолимом различии между историей и басней. Даже если эта разница существует, поскольку история основывается на истине (*ueritate nititur*), тогда как басня соткана из вымысла (*ficta contextit*), Вальтер склонен скорее не противопоставлять, а объединять эти две нарративные категории, поскольку цель и функция у них одна – наставлять: «И история, основанная на истине, и басня, что сплетена из вымысла, приносят счастье своим благополучным окончанием, ведь добродетель торжествует и осуждает нечестивцев на горестную смерть, – и та, и другая показывают, сколь отвратителен порок»⁹.

Подведем предварительные итоги. Нечеткость разграничения «правды» и вымысла, частичное или полное совпадение их функций, а также возможность объединить их в одном и том же произведении оказались значимыми для самых разных писателей, речь о которых шла в этой главе, – для Вальтера Мапа и, как мы убедимся далее, для двух «историографов» – Гальфрида Монмут-

⁷ («fabule nobis eciam commonitorie» (Мап: *ibidem*)).

⁸ «...unus utrimque narrationum mos et intencio» (Мап: *ibidem*).

⁹ «Nam historia, que ueritate nititur, et fabula, que ficta contextit, et bonos fine florenti beant, ut ametur benignitas, et fedo malos dampnant interitu, uolentes inusiam reddere maliciam» (Мап: *ibidem*). Интересно отметить, что примерно те же мысли будет высказывать еще один придворный историк Генриха II Плантагенета, Иоанн Сольсберийский. Так, в прологе к его *Металогикону* читаем следующее: «Я не обещаю, что все, написанное здесь, является истинным, пусть оно будет истинным или ложным, я удовольствуюсь тем, что написанное может послужить прославлению добродетели и предложить пример жизни». В *Поликратике* Иоанн развивает эту мысль: «Басни смешаны здесь с серьезными рассказами, а ложь с истиной, чтобы, в конечном счете, все сказанное с достаточным основанием полагалось на высшую истину». (Цит. по: Aurell 2007, 120).

ского и Васа. Однако доля вымышленных и «правдивых» элементов, а также характер их соединения были различными у каждого автора.

Гальфрид Монмутский и его *История*. Каким образом сам Гальфрид характеризует свой текст. Критики Гальфрида (Уильям Ньюбургский)

В начале артуровской литературы, литературы, основанной на «бретонском материале», был Гальфрид Монмутский (Galfri-dus Monemutensis), галло-нормандский клирик, который создал в Англии, около 1138 года, во время правления Генриха I, историю королей Британии, *Historia Regum Britanniae*, «хронику, написанную латинской прозой, которая отличалась от современных ей хроник как оригинальностью концепции, так и важностью ее последующей рецепции» (*La geste du roi Arthur* 1993, 7). Эта хроника, по словам современных историков, «заложила основы псевдоисторической традиции, связанной с «бриттским» периодом истории острова» (Мереминский 2006, 10-11), и «сохранила заметное влияние вплоть до раннего Нового времени» (Мереминский 2006, 10-11). *Историю королей Британии* Гальфрид начинал с появления на острове Брута, короля-эпонима, прибывшего на Альбион после падения Трои, а заканчивал Кадвалладром, почившим в год 689 по Рождеству Христову.

История королей Британии дошла до нас в более чем 200 манускриптах XII-XV вв.¹⁰, подарила английским королям прославленных троянских предков и вписала историю бретонской нации в историю античного мира (*La geste du roi Arthur* 1993, 8). Вообще говоря, попытки «продления» местной истории в «доавгустинову» эпоху начинают предприниматься в Англии и до Гальфрида, с самого начала XII в., что приводит к увеличению интереса к истории «кельтских» церквей и кельтских святых. В контексте этого движения была воспринята и *История королей Британии* Гальфрида

¹⁰ 56 манускриптов датируются XII в.

Монмутского, который попытался создать принципиально новую версию «церковной» истории острова, в центре которой находилась «бриттская» церковь. Однако его концепция в целом, в отличие от отдельных элементов, не была принята в английском историописании» (Мереминский 2006, 18).

Самый известный критик Гальфрида, – его младший современник «английский» историк Уильям Ньюбургский, посвящает, в конце XII века, несколько едких строк пролога своей хроники *Historia regum Anglicarum (Истории королей Британии)* и ее сочинителю. Подход Уильяма к созданию нортумбрийской «модели» английской истории можно назвать «научным» и «критическим». В начале своего труда он также вспоминает Беду и Гильду, славных историков, честность и правдивость которых «вполне доказана» (Ньюбургский 2010, 111), однако сетует на то, что «в наше время появился некий автор, ради заглаживания позора бриттов насочинявший о них смехотворных вымыслов¹¹ и в бесстыдной лживости вознесший их гораздо выше доблестных македонян и римлян» (Ньюбургский 2010, 111). Следующий фрагмент, благодаря которому мы узнаем, как понимает историю Уильям Ньюбургский, также содержит замечания автора о том, что Гальфриду было дано прозвище «Артур», «ибо рассказы об Артуре, частично собранные им среди древних преданий бриттов, частично придуманные им самим, скрасил латинским языком, дабы им можно было приписать благородное имя истории» (Ньюбургский 2010, 111). Итак, под историей Уильям понимает правдивое повествование на латинском языке и противопоставляет пустые вымыслы (*fabularum vanitatem*) истинной истории, следуя в этом за античной риторической традицией, о которой мы упоминали выше: «Всякий, кто хоть немного знаком с древней историей, решив почитать книгу, которую Гальфрид называет *Историей бриттов*¹², не усомнится, что все в ней – бесстыжая и дерзкая ложь. Ибо только тот, кто не изучал истинную историю, безразлично допускает пустые вымыслы» (Ньюбургский 2010, 112). На вопрос о том, зачем Гальфрид сочинял и выдумывал, Уильям предлагает два ответа: «... либо из необузданного желания лгать, либо для того, чтобы угодить бриттам, боль-

¹¹ Ridicula figmenta.

¹² Britonum historia (в винительном падеже).

шинство из которых, говорят, настолько глупы, что до сих пор ждут пришествия Артура и слышать не хотят о его смерти» (Ньюбургский 2010, 113). Сказать об этой вере бриттов нам еще предоставится возможность; отметим сейчас, что ниже Уильям Ньюбургский резюмирует содержание книги Гальфрида, разбивая и осмеивая все лживые рассказы историка бриттов. Особое внимание «английский» историк уделяет истории короля Артура:

После смерти Утерпендрагона ему якобы наследовал в королевстве Британии его сын Артур, четвертый после Вортигерна, подобно тому, как наш Беда указывает, что покровитель Августина Этельберт был четвертым правителем королевства англичан после Хенгиста. Таким образом, правление Артура и приход Августина в Британию должны были бы совпасть по времени. Даже слепой по здравом размышлении увидит, насколько подлинная историческая истина опровергает хитросплетения лжи (Ньюбургский 2010, 113).

Упомянув описание придворного праздника, о котором мы скажем ниже в другой связи, Уильям уличает Гальфрида Монмутского в еще одной исторической ошибке: «Затем Гальфрид с триумфом возвращает Артура в Британию, где он с подвластными ему королями и князьями устраивает славный праздник, на котором присутствуют три архиепископа бриттов, а именно – Лондона, Карлиона и Йорка, – только, вот, у бриттов никогда не было ни одного архиепископа» (Ньюбургский 2010, 114).

Следующий аргумент – апелляция к многочисленным историкам, которые ни разу не упомянули короля Артура в своих сочинениях: «... каким образом древние историографы, для которых важнейшей заботой было не упустить ничего достопамятного и которые, как мы знаем, сохраняли ради памяти даже незначительное, могли обойти молчанием несравненного мужа и его невообразимые деяния? Почему, спрашиваю, умолчали они о правителе Британии Артуре, превзошедшем Александра Великого, и его деяниях...?» (Ньюбургский 2010, 115).

Отметим, что еще один читатель Гальфрида, современный ему историк Жирауд де Барри (Giraud de Barri, ок. 1145-1223), объясняет, почему, скажем, Гильда ни словом не обмолвился о короле

Артуре: после того, как Артур убил брата Гильды, святой был так разъярен, что бросил в море все прекрасные книги, в которых говорилось о славных подвигах короля» (Aurell 2007, 122). Однако там же Жиранд упоминает «нашего знаменитого, *famosus*, чтобы не сказать вымышленного, *fabulosus*, Артура» (Aurell 2007, 122), делая, таким образом, короля персонажем басен и сказок, – тем самым относя к выдумкам и *Историю* Гальфрида и отождествляя ее с *historia fabulosa*, «недостовой историей» (Aurell 2007, 122) – новой, гибридной повествовательной категорией, которая явно отсылает к *narratio fabulosa* («недостовому повествованию») Макробия; последнее, напомним, содержит ядро истины, сокрытое под вымыслом повествовательной ткани.

Еще одна причина описания Гальфридом славных подвигов и деяний Артура, по мнению Уильяма Ньюбургского, – страх перед бриттами: «И из-за страха перед бриттами он не осмелился сказать, что Артур умер, и глупые бритты действительно до сих пор ждут его прихода» (Ньюбургский 2010, 115).

В самом начале книги Гальфрида мы узнаем следующее: «Архидиакон Оксенфордский Вальтер, муж отменно сведущий в искусстве красноречия и в иноземной *истории*, предложил мне некую весьма древнюю книгу на языке бриттов, в которой без каких-либо пробелов и по порядку, в прекрасном изложении рассказывалось о правлении всех наших властителей начиная с Брута, первого короля бриттов, и кончая Кадвалладром, сыном Кадваллона»¹³. Итак, муж, сведущий в иноземных сказаниях, предлагает Гальфриду некую древнюю книгу, в существовании которой мы не можем быть уверены, но которая, если верить Гальфриду, повествовала о чередующихся королях, правящих Британией. Как уже говорилось, ссылаясь на Гильдаса и Беду, которые-де ничего не писали о древних королях этой страны, Гальфрид решает заполнить лакуну и посвящает добрую часть своей *Истории* рассказу о рождении и подвигах

¹³ «Walter Oxenefordensis archidiaconus, uir in oratoria arte atque in exoticis hystoriis eruditus, quendam Britannici sermonis librum uetustissimum qui a Bruto primo rege Britonum usque ad Cadualadrum filium Caduallonis actus omnium continue et ex ordine perpulcris orationibus proponebat» (of Monmouth 2009, 5; Монмутский 1984, 5).

славного короля Артура, победителя саксов и угрозы для римлян, обращаясь к якобы обнаруженной книге.

Популярность Гальфрида и его последующая рецепция обуславливались тем, что «долгое время англо-нормандские авторы располагали о далеком прошлом страны лишь информацией, сообщаемой в сочинениях некоторых античных историков, Беды... Ситуация резко изменилась с опубликованием *Истории королей Британии* Гальфрида Монмутского. Это сочинение ввело в оборот массу абсолютно новой информации о ранней истории «королевства бриттов», не поддававшейся проверке со стороны других авторитетов.

Итак, вооружившись древними сказаниями, якобы услышанными от Вальтера Оксфордского, о чем Гальфрид еще раз скажет, завершая последнюю, одиннадцатую книгу¹⁴, он пишет свою *Историю*, и эта история претендует на то, чтобы быть истинной: «...я настоятельно советую умолчать о бриттских королях, ибо они (речь идет о современных Гальфриду историках Карадоке Ланкарванском, Уильяме Мальмсберийском и Генрихе Хантингдонском, – Н. Д.) не располагают той книгой на языке бриттов, которая, будучи привезена из армориканской Британии архидиаконом Оксенфордским Вальтером, *правдиво* сообщает *историю* их и которую, чтя память названных в ней властителей, я постарался перевести на латинский язык»¹⁵.

Таким образом, автор первого текста, дающего начало артуровской литературе, представляет его как перевод на латынь некой правдивой истории, написанной на языке бриттов. На его «историографическую претензию» работают и стилистические особенности текста, отдающие предпочтение рассказу перед погодными записями и анналами, и следование правилам латинской риторики, и длинный пролог-посвящение, и входящее в пролог заявление о намере-

¹⁴ « Ne hoc quidem, consul auguste, Galfridus Monemutensis tacebit, sed ut in praefato Britannico sermone inuenit et a Waltero Oxenefordensi, in multis *historiis* peritissimo uiro, audiuit... ». В русском пер. замечание Гальфрида о Вальтере как знатоке историй опущено (Монмутский 1984, 122).

¹⁵ « ... quos de regibus Britonum Britonum tacere iubeo, cum non habeant librum illum Britannici sermonis quem Walterus Oxenefordensis archidiaconus ex Britannia aduexit, quem de *historia* eorum *ueraciter* editum in honore praedictorum principum hoc modo in Latinum sermonem transferre curauit » (Монмутский 1984, 137).

нии написать «историю королей Британии» и, наконец, название произведения, которое мы узнаем из последних строк *Жизни Мерлина*, еще одного труда Гальфрида Монмутского: «Ваших вождей воспевал и оставил книжку, что ныне / Славится в мире во всем под названьем *Деянья бритонов* (Монмутский 1984, 170).

Несмотря на историографические притязания, присутствовавшие в прологе и вступительных главах книги Гальфрида, в самом ее тексте строгость и сдержанность исторического начала тесно переплетается с литературностью. Тем не менее некоторые эпизоды этого сочинения явно выдержаны в довольно сухом и строгом стиле, – который, быть может, должен был свидетельствовать о правдивости того, о чем повествует автор. К таким эпизодам относится рассказ о зачатии короля Артура. Он имеет, разумеется, фольклорную основу: напоминает о зачатии Александра Великого последним правителем Египта фараоном Нектанебом (Aurell 2007, 119) (сравнение Артура с Александром, пусть и имплицитно, присутствует в книге Гальфрида) и о чудесном зачатии не менее славного Геракла Зевсом, принявшим облик Амфитриона, мужа Алкмены; подобные рассказы знает и кельтская фольклорная традиция¹⁶.

Однако фольклорный в своей основе рассказ изложен сухо и лаконично, без каких-либо живописных деталей. Показательно, в частности, что он весьма краток. В современном издании *Истории бриттов* (с момента, когда Утерпендрагон, будущий отец Артура, видит Ингерну, до момента, когда она становится его женой и у них рождается двое детей, Артур и Анна) он занимает около восьмидесяти строк (§137-138) (Monmouth 2009, 182-184). Физическую красоту Ингерны Гальфрид характеризует одной фразой, правда, с превосходной степенью: она «своей красотой затмевала всех женщин Британии» (Монмутский 1984, 92). Описание вспыхнувшего чувства короля тоже довольно лаконично и конкретно, еще лишено куртуазной лексики: «Когда король увидел ее между другими женщинами, он сразу возгорелся такой страстью к ней, что, позабыв об остальных, все свое внимание отдал ее одной» (Монмутский 1984, 92). Мерлин, советчик и помощник короля Утерпендрагона, благодаря волшебным травам наделяет короля внеш-

¹⁶ Подробнее об этом см.: (Aurell 2007, 132-133).

ностью мужа Ингерны, и он благополучно проводит с любимой женщиной ночь, во время которой и был зачат Артур. Этот рассказ у Гальфрида лишен диалогов между персонажами, его стиль – стиль хрониста, сухого и беспристрастного рассказа о деяниях, которые совершаются, чтобы Артур появился на свет: «Именно в эту ночь зачала она прославленного Артура, который, чтобы прославиться, свершил деяния редкостной доблести» (Монмутский 1984, 94).

В столь же строгом и лаконичном стиле Гальфрид заканчивает и историю короля Артура: «Но смертельную рану получил и сам прославленный король Артур, который, будучи переправлен для лечения на остров Аваллона, оставил после себя корону Британии Константину, своему родичу и сыну наместика Корнубии Кадора. Случилось же это в пятьсот сорок втором году от воплощения господя» (Монмутский 1984, 124).

Попробуем теперь проанализировать ту трансформацию, которой подверглись проанализированные нами выше эпизоды под пером средневекового переводчика Гальфрида – Васа.

Переводческий проект Васа *Брут*. Функция лакун и добавлений. История бриттов и Брут

Пройдет менее двадцати лет и в 1155 году у нашего текста появится вольный перевод. Его автором станет историограф Генриха II Плантагенета Вас (Wace). Лишенный чувства историзма, один из первых романов, как и история Гальфрида Монмутского, не был лишен претензии на историческую достоверность и истинность повествования. *Роман о Бруте* играл роль «прототекста» (Boutet 1992, 9), – это было «первое сочинение на французском языке, в какой-то степени посвященное артуровской легенде, которая начала распространяться благодаря *Истории* Гальфрида Монмутского» (*Dictionnaire des lettres françaises* 1992, 1498). Вас, следуя за *Историей* Гальфрида, настаивает на неразрывной связи классического античного мира и мира древних бретонцев, древней Трои с новой Троей, *Troie Nove* – будущим Лондоном. Таким образом, труд Васа вписывается, вместе с *Историей бриттов* Гальфрида и двумя современными ему романами, *Романом об Энее* и *Романом о Трое*

Бенуа де Сент-Мора, творившего, как и Вас, при дворе Генриха II Плантагенета и сменившего автора *Брута* на должности королевского историографа, «в новую современную перспективу, в соответствии с которой франкоязычный мир XII века наследует культуру и политическую власть греко-римского мира, переместившегося с востока на запад» (*La geste du roi Arthur* 1993, 8) о чем будет говорить и Кретьен де Труа в знаменитом фрагменте из пролога к своему *Клижесу*:

Ce nos ont nostre livre apris
Que Grece ot de chevalerie
Le premier los et de clergie,
Puis vint chevalerie a Rome
Et de la clergie la somme,
Qui or est en France venue
(de Troyes 1994, vv. 6726 – 6735,
291-292)

Нам книги древние порукой:
Обязаны своей наукой
Мы Греции, сомнений нет;
Оттуда воссиял нам свет.
Велит признать нам справедливость
За ней ученость и учтивость,
Которые воспринял Рим
И был весьма привержен к ним.
В своем благом соединенье
Они нашли распространенье
У нас во Франции теперь
(де Труа 1980, 213)

Такая перспектива *translatio imperii et studii* должна была подтвердить, что предками королей анжуйской династии были троянцы¹⁷. (Curtius 1991 (1956), 598-599; Boutet 2003, 42; Boutet 1992, 440-446).

У Васа эпизод зачатия Артура разрастается, обогащается новыми подробностями. Скажем для начала, что он посвятит этому эпизоду 264 стиха (*La geste du roi Arthur* 1993, 29–43). Он сохраняет превосходную характеристику Ижерны : «не было краше ее во всем королевстве», n'en ot plus bele en tut le regne (v. 24), но добавляет к ним, однако, еще два стиха, которые впоследствии очень часто будут

¹⁷ Отметим, также, что существует миф о троянском происхождении и французской династии. Фредегер в своей *Книге истории франков (Liber Historiae Francorum)*, написанной около 660 года, был первым, кто возвел франков к троянцам, поскольку их прародитель Франсион, основатель Парижа, был троянским князем и кузеном Энея.

характеризовать женщин в куртуазной литературе XII-XIV вв: «была вежественна, красива, разумна / и из благородного рода», *curteise esteit e bele e sage, / e si esteit de grant parage* (vv. 25-26). Еще одна деталь или, точнее, мотив, которым мы обязаны Васу, ибо его нет у Гальфрида Монмутского, и который также будет путешествовать по средневековым литературам, – это мотив вспыхнувшей любви героя к женщине, которую он ни разу не видел, но о красоте которой узнал по слухам:

Li reis en ot oï parler,
e mult l'aveit oï loër;
ainz que nul semblant en feïst,
veire asez ainz qu'il la veïst,
l'ot il cuveitie e amee,
kar merveilles esteit loee. (vv. 27-32)

Король слышал о ней,
Слышал все те похвалы, которые ей
воздавали;
Такая хвала шла о женщине,
Что еще до того, как проявить к ней
малейший признак интереса
И даже до того, как ее увидеть,
Король возжелал ее и почувствовал к
ней любовь.

Эта цитата, на наш взгляд, свидетельствует, что мотив любви, внушенной рассказами, который у Гальфрида отсутствует, не дает нам права говорить о том, что любовное чувство поразило отца Артура, «подобно солнечному удару», как писал об этом А. Д. Михайлов (Михайлов 2006, 39).

Отметим, прежде чем вернуться к сравнению Гальфрида и Васа, что данный мотив позаимствует у Васа Мария Французская, описывая вспыхнувшую любовь короля Эквитана к жене своего вассала, о которой тот узнал лишь по слухам :

El reialme n'aveit sa per.
Li reis l'oï sovent loër.
Soventes feiz la salua ;
de ses aveirs li enveia.
Senz veïe la conveita... (vv. 41-45).

Она не имела равных в королевстве.
Король часто слышал похвалы в ее
адрес,
Посылал ей приветы и подарки.
Уже до того, как ее увидел,
Начал ее желать...

Все, кто читал *Брута*, сходятся во мнении, что Вас – «скорее романист, чем историк» (Wace 1938, LXXXVII). Текст *Брута* более риторичен, чем его латинский оригинал, причем восьмисложный стих, которым пишет Вас, органически сочетается с использованием многих риторических приемов и известной живописностью; так, добиваясь ритмических эффектов, Вас то и дело использует повторы, перечисления и анафору: «пьет ли он, ест ли он, / говорит ли он, молчит ли он» («se il manjot, se il beveit, / se il parlot, se il taiseit», vv. 35-36) или:

Vit les valees, vit les plainnes, [...], Vit les eues, vit les rivages, Vit les champs, vit les praeries, Vit les porz, vit les pescheries, Vit sun pople multepleier, Vit les terres bien guaaainier... (vv. 1210-1216)	Видит равнины и долины, [...], Видит озера и реки, Видит поля, видит луга, Видит гавани, видит рыбные заводы, Видит, как множится его народ, Видит ухоженные земли...
---	---

Все эти приемы делают стих Васа более легким для восприятия и исполнения (напомним, что эти сочинения декламировались, а не читались про себя). Сходные риторические пассажи мы будем встречать и далее, на протяжении всего текста, например:

Ne puis aler, ne puis venir, ne puis lever, ne puis culchier, ne puis beivre, ne puis mangier... (vv. 109-112)	Я не могу ни ходить, ни ездить, Ни бодрствовать, ни спать, Ни пить, ни есть...
---	--

Сравнение других эпизодов из *Истории* Гальфрида и романа Васа дает сходные результаты: рассказ Васа во многих случаях богаче, он более расцвечен и, можно сказать, еще дальше удаляется от строгого исторического повествования, чем его латинский оригинал. Так, там, где Гальфрид довольствуется одной фразой, описывая

город-крепость Тинтаголь¹⁸ («... он (муж Ингерны, - Н. Д.) отослал ее в город Тинтаголь, расположенный на берегу моря, так как считал его наиболее надежным убежищем» (Монмутский 1984, 93), Вас предлагает читателю целую картину:

Tintajiel ert bien defensable;
n'esteit par nul engin pernabile;
de faleise est clos e de mer;
ki sul la porte puet garder,
mar i avra dute ne reguart
que hum i entre d'autre part.
(vv.73-80)

Тинтажель очень хорошо защищен,
Ни одна машина не может его
разрушить.
Замок защищен скалами и морем.
Достаточно охранять вход в крепость,
Чтобы ничего не опасаться,
Поскольку других доступов у замка
нет.

В отличие от Гальфрида, Вас включает в свое повествование диалоги между Утером и Ульфином (ст. 105-128), а также длинные монологи самого короля (ст. 202-225), его советника Ульфина и Мерлина, который у Васа, принимает внешность Бретеля и описан куда более подробно, чем в латинском оригинале (ст. 149-174).

Отметим, наконец, еще две важные детали, отсутствовавшие у Гальфрида и впервые появляющиеся у Васа. Во-первых, Вас впервые вводит в свой роман мотив круглого стола, который устанавливает король Артур и о котором бретонцы рассказывают так много басен:

Pur les nobles baruns qu'il ot,
dunt chascuns mielldre estre quidot
chascuns se teneit a meillur,
ne nul n'en saveit le peiur –
fist Artur la Rõunde Table
dunt Bretun dient mainte fable.
(vv.1019-1024)

Для благородных сеньоров,
Которые его окружали и каждый из
которых считал себя лучше других, –
Поэтому очень сложно было
определить худшего, –
Артур сделал Круглый стол,
О котором бретонцы рассказывают
множество басен.

¹⁸ Сохранено название города-крепости Тинтажеля, принятое в русском переводе *Истории бриттов*.

Во-вторых, как и Гальфрид, заканчивая рассказ о правлении короля Артура, и называя год его отъезда на остров Авалон, Вас сообщает несколько значительных деталей: упоминает бретонцев и их веру в возвращение короля, напоминает о себе и своем нежелании верить в его исчезновение, поскольку-де не знает ничего сверх уже рассказанного, наконец, добавляет эмоционально окрашенное сожаление о том, что Артур был бездетным:

Arthur, si la geste ne ment,
 fud el cors nafrez mortelment ;
 en Avalon se fist porter
 pur ses plaies medicinier.
 Encore i est, Bretun l'atendent
 sicum il d'ient e entendent ;
 de la vendra, encore puet vivre.
 Maistre Wace, ki fist cest livre,
 ne volt plus dire de sa fin
 qu'en dist li prophetes Merlin ;
 Merlin dist d'Arthur – si ot dreit –
 que sa mort dutuse serreit.
 Li prophetes dist verité :
 tut tens en ad l'um puis duté,
 e dutera, ço crei, tut dis,
 se il est morz u il est vis.
 Porter se fist en Avalun
 pur veir puis l'Incarnatiun
 cinc cenz e quarante douz anz
 Damage fud qu'il n'ot enfanz :
 al fiz Cador, a Costentin,
 de Cornüaille, sun cusin,
 livra sun regne si li dist
 qu'il fust reis tant qu'il revenist.
 (vv. 4435-4458)

Артур, если жеста говорит истину,
 Был смертельно ранен и увезен на
 Авалон, чтобы найти там исцеление
 от ран.
 Он до сих пор находится там,
 И бретонцы ждут его возвращения,
 Как они говорят и верят.
 Именно оттуда он вернется,
 Возможно, что он еще жив.
 Мэтр Вас, который составил эту книгу,
 Не хочет говорить ничего больше
 о кончине Артура,
 Ведь на самом деле никто не знает,
 Мертв ли он или жив.
 Пророк говорит истину: всегда
 спрашивали и всегда будут спраши-
 вать,
 Жив ли Артур или мертв.
 На самом деле, король был отпра-
 влен на остров Авалон в год пятьсот
 сорок второй после пришествия
 Христа.
 Какое горе, что у него не было детей !
 Константину, своему кузену, сыну
 Кадора Корнуэльского,
 Вверил Артур управление своим
 королевством до его возвращения.

Однако есть и опущения. Мы не можем согласиться с издателем *Брута* Ивором Арнольдом в том, что эти опущения «редки

и незначительны: несколько имен второстепенных персонажей, римских генералов, саксонских предводителей; имена епископов бриттов времен короля Артура, генеалогия королей Бретани» (Wace 1938, LXXIX). Одно опущение можно считать и серьезным, и значительным: Вас исключил из своего перевода пророчества Мерлина о будущем Британии и ее королей, которые Гальфрид вставил в шестую книгу своей *Истории*¹⁹. Возможно, Вас совершенно искренен, когда он признается, почему не хочет передавать пророчества Мерлина:

Dunc dist Merlin les prophicies
Que vus avez, ço crei, oïes,
Des reis ki a venir esteient,
Ki la terre tenir deveient.
Ne vuil sun livre translater
Quant jo nel sai interpreter...
(Wace 1938, 399)
(vv. 7535-7540)

Итак, Мерлин изрек пророчества,
Которых, я думаю, вам доводилось
слышать,
О королях, которые придут к власти
И будут владеть землями.
Я не хочу переводить его (Гальфрида,
– Н. Д.) книгу,
Так как я не знаю, как ее интер-
претировать.

Пророчества, действительно, были очень темными, однако не нужно забывать и о том, что Вас писал для менее образованной публики и, как и всякий автор того времени, писавший на народном языке, стремился упростить содержание своего труда.

Conclusion

Диффузность категорий «правды» и «вымысла», значимая для литературной теории XII века имеет значение и для Гальфрида, и для его последователя Васа. Последний еще более стирает границу между ними, сближая свой роман с «недостовверным повествованием» (*narratio fabulosa*), истинным в своей основе, но содержащим множество вымышленных элементов. Разумеется, в случае Васа, этот сдвиг коррелирует с его обращением к стихотворной форме романа на народном языке и, тем самым, к новой аудитории. Как

¹⁹ Подробнее о пророчествах и о причинах такого опущения Васа см. в статье: (Veysseyre 2007, 107–166).

и другие переводчики, создававшие вольные переложения латинских текстов, Вас разъясняет и упрощает оригинал, одновременно его амплифицируя. Как и другие авторы, передающие прозу стихами, Вас вводит в свой текст дополнительные детали, эпитеты, описания, прямую речь, – все это органично встраивается в стихотворное повествование, к этому его располагает избранная им стихотворная повествовательная форма. В то же время нельзя сказать, что работа Васа сводится к той, что обычно осуществляли создатели таких переводов: сравнительно с ними, Вас значительно усиливает сказочную составляющую своего переложения, вводя туда такие дополнения, которые не были востребованы только лишь задачами средневекового переводчика.

ЛИТЕРАТУРА:

- Aurell Martin: *La légende du roi Arthur 550 – 1250*. Paris 2007.
Bodel Jehan: *Chanson des Saisnes*. Paris 1839.
Boutet Dominique: *Charlemagne et Arthur ou le roi imaginaire*. Paris 1992.
Boutet Dominique: *Histoire de la littérature française du Moyen Age*. Paris 2003.
Curtius Ernst Robert: *La littérature européenne et le Moyen Age latin*. Paris 1991 (1956).
Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge, Ouvrage préparé par Robert Bossuat, Louis Pichard et Guy Raynaud de Lage. Paris 1992 (1964).
Haskins Charles Homer: *The Renaissance of the Twelfth Century*. London 1971.
La geste du roi Arthur, Emmanuèle Baumgartner, Ian Short. Paris 1993.
Map Walter: *De Nugis Curialium*. Oxford 1983.
de Lorris Guillaume et de Meun Jean: *Le Roman de la Rose*. Paris 1992.
Macrobe: *Commentaire au songe de Scipion*. Paris 2011.
Mehtonen Päivi, *Old Concepts and New Poetics. Historia, Argumentum, and Fabula in the Twelfth- and Early Thirteenth-Century Latin Poetics of Fiction*. Helsinki 1996.
of Monmouth Geoffrey: *The History of the Kings of Britain*. Wobridge 2009.
Монмутский Гальфрид: *История бриттов. Жизнь Мерлина*. Москва 1984.
Sargent-Baur Barbara Nelson: *Veraces historiae aut fallaces fabulae? // Text and intertext in Medieval arthurian literature*. New York 1996.
de Troyes Chrétien: *Romans*. Paris 1994.
Tillette Jean-Yves: *Opus oratorium. L'écriture de l'histoire et l'exigence*

- littéraire dans le Moyen Age latin // L'oeuvre littéraire du Moyen Age aux yeux de l'historien et du philologue*, éd. L. Evdokimova et V. Smirnova. Paris 2014, P. 167-179.
- Veysseyre Géraldine: «*Metre en roman*» les prophéties de Merlin. Voies et détours de l'interprétation dans trois traductions de l'*Historia Regum Britannie* // *Moult obscures paroles. Etudes sur la prophétie médiévale*, dir. R. Trachsler. Paris 2007, p. 107–166.
- Wace: *Le Roman de Brut*. Paris 1938.
- Мереминский Станислав: *Формирование английской исторической традиции во 2-й пол. XI – 1-й пол. XII вв.. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Москва 2006.
- Михайлов Андрей: *Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе*. Москва 2006.
- Ньюбургский Уильям: *Пролог к хронике «Historia regum Anglicarum»*, „Средние века” 2010, №. 71, с. 111.
- де Лоррис Гийом, де Мен Жан: *Роман о Розе*. Москва 2007.
- Севильский Исидор: *Этимологии или Начала в XX книгах. Книги I-III: Семь свободных искусств*. Санкт-Петербург 2006.
- де Труа Кретьен: *Эрек и Энида. Клижес*. Москва 1980.